

Дмитрий Андреев: Георгий Сазонов и его высокопоставленные покровители и собеседники*

*Dmitry Andreev (Lomonosov Moscow State University, Russia):
Georgy Sazonov and his high-ranking patrons and interlocutors*

DOI: 10.31857/S0869568722010186

Фигура Г.П. Сазонова, начинавшего свою публицистическую деятельность либеральным народником, затем ставшего советником высокопоставленных чиновников и ярким защитником идеалов консервативного реформаторства, но не эмигрировавшего после революции, а попытавшегося встроиться в новую реальность, давно ждала всестороннего и глубокого исследования. Книга В. В. Зве-рева заметно способствует решению данной задачи, хотя его очерки, конечно, — лишь первый приступ и зондаж темы, выявляющий разнообразие её аспектов, возможные подходы к их освещению, возникающие при этом трудности и т. п. Но, к сожалению, исследователь решил писать вопреки «общепринятому науч-ному косноязычию» (с. 411) и чрезмерно увлёкся эссеистической субъективной характеристикой изучаемых фактов. Такая манера и связанная с ней интер-претационная лёгкость не только мешают критической оценке источников, но

* Статья подготовлена при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

и чреватые порождением новых мифов. Однако, несмотря на избранный стиль, Звереву удалось уловить и понять многие существенные черты политической индивидуальности Сазонова. И самые удачные места книги посвящены как раз описанию и систематизации собранного автором материала.

В частности, Зверев обращает внимание на содержащиеся в «Автобиографии» Сазонова сведения о контактах Георгия Петровича с правителем канцелярии министра внутренних дел в 1885—1891 г. А.Д. Пазухиным. Зародившиеся ещё в начале 1880-х гг. «личные и доверительные отношения» (с. 165) между «народником-консерватором» (с. 17) и будущим идеологом и разработчиком «контрреформ» Зверев объясняет близостью их взглядов на темпы и цели преобразований в деревне. В вышедшей в 1889 г. книге «Неотчуждаемость крестьянских земель в связи с государственно-экономической программой» Сазонов констатировал неготовность крестьян к введению рыночного хозяйства и ратовал за «обеспечение попечительства» над их общинами со стороны государства (с. 166). Неудивительно, что разделявший эти идеи Пазухин настоятельно рекомендовал ему не выполнять указания В.К. Плеве, являвшегося тогда товарищем министра внутренних дел, и не делать «значительные купюры» в этом труде (с. 166). Зверев вполне допускает, что Пазухин, служивший ранее мировым судьёй и уездным предводителем дворянства, внезапно назначенный на высокий пост и не имевший административного и канцелярского опыта, искренне интересовался мнениями своего приятеля. Но встречающиеся в «Автобиографии» утверждения, будто тот регулярно обращался к Сазонову за советами, историк оценивает скептически (с. 167). Вместе с тем Зверев считает правдоподобным упоминание в мемуарах Сазонова о том, что он и Пазухин вместе готовили главу МВД гр. Д.А. Толстого к «войне» против министра финансов И.А. Вышнеградского (с. 167). Алексей Дмитриевич даже пытался устроить Георгия Петровича на службу в МВД, но из-за причастности его протеже в 1870-е гг. к революционному движению ничего не добился (с. 167—169). Впрочем, уже 27 января 1891 г. он скончался.

В конце 1891 г. Сазонов поместил в «Гражданине» статью «Реформа народного продовольствия», изложив целую программу борьбы с начавшимся голодом и резкого усиления государственного регулирования хлебозаготовок. Незадолго до публикации она была прочитана в салоне А.А. Татищева, после чего близкий к кн. В.П. Мещерскому А.К. Кривошеин, готовившийся возглавить Хозяйственный департамент МВД, предложил Сазонову пойти на службу вместе с ним. Затем автору нашумевшей статьи было поручено под началом Плеве заняться борьбой с голодом. Такую комбинацию, согласно «Автобиографии», будто бы санкционировал царь (с. 177, 181—182). Однако в конце XIX в. монарх обычно не вмешивался в назначения чиновников низшего звена. Его участие могло потребоваться лишь в том случае, если бы в Департаменте полиции вновь напомнили Кривошеину, как ранее Пазухину, о прошлом Георгия Петровича.

Так или иначе, Сазонов проник в МВД. Но покровительствовавший ему Кривошеин вскоре пошёл на повышение и стал министром путей сообщения, а министр внутренних дел И.Н. Дурново остался недоволен Сазоновым, поскольку его статья о борьбе с голодом появилась в тот самый момент, когда Александр III заявил о недостаточности мер, принятых МВД против этого бедствия (с. 189). Как утверждал Сазонов, император был «разгневан» тем, что Дурново занимался «сокрытием голода» (с. 182).

Но пошатнувшееся было положение Георгия Петровича (с. 189–191) снова укрепилось. В трудную минуту у него появился ещё один «покровитель», как его называет Зверев, — обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев. Если верить той же «Автобиографии», ему понравилась книга о «неотчуждаемости крестьянских земель», в которой он, по словам Сазонова, нашёл «подобную своей идеологию» (с. 169–172). В начале февраля 1893 г. Победоносцев якобы лично передал её Александру III, и император распорядился «благодарить» автора¹². По признанию самого Сазонова, подобное внимание к его труду явилось «крупной сенсацией в сферах верховной бюрократии», и авторитет публициста «сильно скакнул вверх», особенно после того, как в конце того же года вышел закон о неотчуждаемости крестьянских наделов (с. 191–192). Зверев предельно аккуратно фиксирует, что Сазонов смог «добиться реализации тех идей, которые он отстаивал в своих работах» (с. 192). Хотя, разумеется, его слово не могло быть в таком деле решающим.

Но Сазонов всё же споткнулся, поскольку, по меткому замечанию Зверева, стремился «сочетать несочетаемое» — роль независимого публициста и государственную службу (с. 193). Незадолго до выхода в декабре 1893 г. закона о неотчуждаемости крестьянских наделов Сазонов выступил в Вольном экономическом обществе с докладом «Быть или не быть общине?». Докладчик однозначно отстаивал сохранение общины, но одновременно проговаривал и тут же критически разбирает аргументы сторонников ликвидации этого института, звучащие в правительственных сферах. Тем самым он фактически разглашал закрытую служебную информацию, на что крайне резко отреагировал министр императорского двора гр. И.И. Воронцов-Дашков. В итоге Дурново выгнал Сазонова из МВД, и даже просьба Победоносцева не помогла (с. 194–202). Правда, Зверев считает, что позднее, уже при Николае II, Сазонов и Победоносцев отомстили Дурново, ставшему к тому времени председателем Комитета министров. Сазонов опубликовал в «Новом времени» статью со статистическими данными о жертвах голода и сопутствовавших ему лишениях. В статье Дурново назывался «одним из виновников допущенных просчётов». Тот в ответ пытался добиться высылки Сазонова, но, как предполагает историк, глава духовного ведомства будто бы этому помешал (с. 202–203). Правда, никаких прямых подтверждений этому не приводится. Без указания на источники говорится и о том, что именно обер-прокурор содействовал возвращению Сазонова в столицу из Псковской губ., куда того выслали в 1902 г. из-за скандала с публикацией в газете «Россия», редактором-издателем которой он являлся, фельетона А.В. Амфитеатрова «Господа Обмановы» (с. 261).

Нельзя не отметить, что автор явно преувеличивает внимание к Сазонову со стороны Александра III. Так, трудно поверить в то, что с ведома царя

¹² Это было уже второе сочинение Сазонова, пополнившее царскую библиотеку. В 1890 г. он выпустил книгу о разорении крестьянских хозяйств после выкупной операции в одном из уездов Псковской губ. Земли нескольких десятков тысяч человек к концу 1889 г. оказались заложенными в банк, их должны были выставить на аукцион. Сазонов, побывав в этом уезде и изучив ситуацию на месте, обратился к министрам внутренних дел и финансов, предлагая перевести образовавшийся долг в Крестьянский банк, но они не отреагировали. Тогда за два дня до аукциона он апеллировал уже непосредственно в Канцелярию прошений и на следующий же день получил оттуда телеграмму, в которой говорилось, что царь «повелел остановить аукцион, а долг перевести в Крестьянский банк». Через год с небольшим его описание ситуации с крестьянскими хозяйствами в Псковской губ. было передано императору (с. 172–175).

в 1894 г. на недавно уволенного со службы молодого чиновника якобы «возложили обязанность подготовить трёхтомный “Обзор деятельности земств по сельскому хозяйству (1865–1895 гг.)”» (с. 203). «Вне службы» подобные «особые поручения» всё же не давались, либо это был совершенно исключительный случай, обстоятельства которого следовало бы раскрыть подробнее и не по воспоминаниям самого Сазонова. Столь же неправдоподобно звучат слова мемуариста о том, что после отставки из МВД им «была организована с высочайшего соизволения» инспекция крестьянских хозяйств трёх северо-западных губерний. Причём император будто бы повелел передать Сазонову, что «с интересом будет ожидать результатов исследования» (с. 204). Будь это действительно так, вышел бы громкий административный скандал.

В число покровителей Сазонова автор включает и С.Ю. Витте. Их знакомство состоялось в 1890 г. во время поездки группы высокопоставленных чиновников в Туркестан. Затем они сблизились, отстаивая сохранение крестьянской общины и противостоя влиятельным сторонникам её разрушения (с. 206–210). В середине 1890-х гг., когда впервые возникла идея начать выпуск новой газеты «Россия», Витте, употребляя свои связи и возможности, пытался найти для неё деньги у московских купцов Н.А. Найдёнова и С.Т. Морозова (с. 246–247)¹³. Впоследствии перед публикацией в «России» статьи К.Ф. Головина, резко критиковавшего финансовое ведомство, Сазонов ознакомил с ней Витте, а затем обстоятельно опроверг её аргументы в собственной заметке, напечатанной от редакции и написанной на основании материалов, полученных от министра финансов (с. 254–259).

После реформ 1905–1906 гг. отношения между Сазоновым и Витте заметно испортились. Впрочем, причины их ухудшения долго накапливались. Сергей Юльевич дистанцировался от судьбы редактора-издателя закрытой «России», хотя сперва пообещал ему уладить всё «за 2–3 дня» (с. 250, 261). Став в 1903 г. председателем Комитета министров, Витте не пригласил Сазонова — знатока крестьянского вопроса — в Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, не привлекался он и к работе образованного осенью 1905 г. объединённого правительства. В начале 1906 г. Сазонов выступил с анонимным открытым письмом к гр. Витте, по сути, обвинив его в том, что проводившаяся им социально-экономическая, внутренняя и внешняя политика привела к кризису империи. Но и этот выпад не вызвал окончательного разрыва. Покинув Совет министров, граф стал более бережно обращаться с теми, с кем был ранее связан (с. 269–286). Кроме того, он мог попросту не знать, кто именно сочинил это послание, тем более что подобного рода упреки ему приходилось слышать довольно часто. При этом, хотя в неопубликованных воспоминаниях Сазонова Витте был описан критически, а иногда даже резко (например, когда говорилось о перемене его мнения об общине на диаметрально противоположное), его таланты под сомнение не ставились. Напротив, «ответный “мемуарный” удар» Витте по Сазонову оказался просто уничтожающим: Георгий Петрович изображался «морально нечистоплотным субъектом, черносотенцем, мастером закулисных интриг, шантажистом, взяточником» (с. 359–366). В советское время после издания в Берлине мемуаров Витте эти обвинения поставили крест на карьере Сазонова при новом режиме (с. 419).

¹³ Подробнее о возникновении данного издания см.: *Дробышевский Д.А.* Политика или прибыль: для чего была создана газета «Россия» (1899–1902 гг.)? // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Филология. Журналистика. 2014. № 2. С. 126–129.

Значительное место в книге уделено «России» (с. 230–245) и скандалу вокруг публикации в ней «Господ Обмановых». Освещая его, Зверев опирается на неизвестные ранее письма редактора и автора фельетона к министру внутренних дел Д.С. Сипягину. Амфитеатров добивался смягчения своей участи (с. 221–227). Его письмо, оставленное без ответа Сипягиным (с. 227), было прочитано Плеве, возглавившим МВД в апреле 1902 г., и в конце того же года памфлетиста перевели из Сибири в Вологду (с. 228), затем ему и вовсе разрешили вернуться в столицу. Сазонов же не только стремился выставить себя непричастным к выходу «Господ Обмановых», но и всячески отмежёвывался от той линии, которую проводила в издании группа либеральных сотрудников редакции и авторов (с. 228–230).

Крайне интересен пересказанный в книге фрагмент воспоминаний Сазонова, в котором изложена его беседа с Плеве, состоявшаяся осенью 1902 г. в Ялте. Публицист, желая испросить у министра внутренних дел разрешение на новое периодическое издание, пытался изменить сложившееся у Плеве представление о «России» как о революционном печатном органе и убеждал собеседника в пользу «газеты, пусть и оппозиционного толка, но защищающей государственные интересы». Плеве готов был допустить такое издание, но обещал тут же закрыть его, если оно выступит как «реинкарнация “России”». Отвечая на вопрос о текущей политической ситуации, Сазонов, по его словам, прямо заявил, что страна находится «накануне кровавой смуты», избежать которую можно лишь введением «представительства народа». С этим Плеве не согласился, причём сделал это «хмуро», после чего разговор завершился. Тем не менее Сазонов вспоминал о Плеве как «искреннем решительном» человеке (с. 261, 263–264). К сожалению, Зверев не соотнёс этот ялтинский диалог с беседой, состоявшейся почти тогда же, там же и о том же самом между министрами финансов и внутренних дел¹⁴. Вряд ли возможно выяснить, какой из разговоров произошёл раньше. Но если Плеве слушал Сазонова уже после того, как ему то же самое внушал его главный оппонент в правительстве, то станет понятно, почему он возражал «хмуро». Да и сам Плеве был не столь прост, как кажется автору книги, который пишет, что в нём «искренности не было и ни на понюх табаку», он «ещё тот был дядя» и никогда не пошёл бы ни на какие эксперименты с представительством (с. 264). Во всяком случае, его заинтересовала идея редактора газеты «Киевлянин» Д.И. Пихно о «своеобразной конституции» — допускать до рассмотрения монарха лишь законопроекты, получившие поддержку большинства членов Государственного совета¹⁵.

К началу 1904 г. Сазонову всё же удалось вернуться к редакторской деятельности, выпустить четыре номера новой газеты «Русская земля», после чего её закрыли. Георгий Петрович связывал это с интригами А.А. Суворина (сына издателя «Нового времени»), который в то время налаживал выпуск газеты «Русь», и, дабы «пырнуть из-за угла в бок конкурента», объявил, что «Русская земля» — это восстановленная «Россия» (с. 264–265). Но откуда Суворин мог знать о том, чем Плеве грозил Сазонову в Ялте? Скорее всего, роковую роль в судьбе «Русской земли» сыграли звучавшие в ней рассуждения о необходимости созыва Земского собора с законосовещательными функциями. Иначе вряд ли бы решение о прекраще-

¹⁴ Любимов Д.Н. Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. М., 2018. С. 76–81.

¹⁵ Там же. С. 202.

нии данного издания принимали четыре сановника — министры внутренних дел, юстиции, народного просвещения и обер-прокурор Святейшего Синода¹⁶.

Любопытно, что в советское время бывшее общение с Плеве осложняло Сазонову жизнь не меньше, чем едкие оценки гр. Витте. В марте 1932 г. постаревший публицист просил В.И. Вернадского помочь ему в хлопотах о пенсии, получить которую мешало его некое «просительное письмо», адресованное Плеве и преданное тогда огласке. Тут же заговорили и о его причастности к «Союзу русского народа». Правда, «мемуарный» конфликт с Витте Сазонов уже смог каким-то образом развернуть в свою пользу (с. 420). Однако не только пенсия заставила Сазонова прийти к Вернадскому. Он носился с идеей искать на Кавказе радий, в чём Вернадский видел лишь «несознаваемое невежество». Учёный отметил, что его посетитель «путает и выдумывает. По-видимому, прежде у него собирался материал из газет. Он теперь им пользовался». В целом гость оставил двойственное впечатление: «Хитрый, лукавый и неверный. Но упорный. И эта воля и искание чего-то большого меня с ним примиряет»¹⁷.

В своём дневнике Вернадский тогда же записал: «Сейчас его взял Покровский. Забыл, что он рассказывал мне, что у него был с ним разговор в связи с его (Сазонова) мемуарами»¹⁸. Зверев вслед за В.П. Волковым полагает, что в данном случае имелся в виду заместитель директора Пулковской обсерватории член-корреспондент АН СССР К.Д. Покровский (с. 420). Однако, как выяснил историк, Сазонов сотрудником обсерватории никогда не числился. Это навело автора книги на мысль о том, что Георгий Петрович «выполнял какие-то разовые поручения за соответствующее вознаграждение» (с. 424). Но, похоже, Вернадский писал об академике М.Н. Покровском (жить ему оставалось ещё чуть меньше месяца). Тогда понятно, почему Покровский «остановил эти “мемуары”»: одиозный историк многие годы профессионально занимался разоблачением «царизма» и его «слуг».

Вернадский охарактеризовал воспоминания Сазонова как «*Dichtung* с примесью *Wahrheit*». В комментариях эти немецкие слова переведены как «вымысел» и «правда». Однако в данном случае нельзя не заметить отсылку к автобиографическому произведению И.В. фон Гёте «*Dichtung und Wahrheit: aus meinem Leben*» («Поэзия и правда: из моей жизни»). У Сазонова же соответственно Вернадский обнаружил «поэзию с примесью правды».

¹⁶ Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865–1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание. СПб., 2011. С. 243. Кстати, ещё 27 мая 1903 г. кн. Мещерский сообщал Плеве, что Сазонов рассказывал ему о намерении Амфитеатрова «воскресить» «Россию» в сытинском «Русском слове», переименовав его в «Голос России» (ГА РФ, ф. 586, оп. 1, д. 904, л. 39–39 об.).

¹⁷ *Вернадский В.И.* Дневники. 1926–1934 / Сост. В.П. Волков. М., 2001. С. 232.

¹⁸ Там же.